

С. Коткин

СТАЛИНИЗМ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ*

Средоточие абсолютнейших и возвышеннейших идеалов, действо, прекрасное в своем героизме, воистину титаническое по напряжению, коммунистическая революция сеет и самые проникающие, самые стойкие иллюзии.

Милован Джилас¹

В 1930-е гг. население СССР оказалось вовлеченным в грандиозное историческое действие, названное построением социализма. Этот резкий поворот, начавшийся с отказа от капитализма, означал коллективный поиск социализма в жилищных условиях, городских формах, массовой культуре, хозяйстве, управлении, миграциях населения, социальной структуре, политической деятельности, ценностях и во всем остальном, о чем только можно было подумать — от стиля одежды до образа мыслей.

В сталинском СССР привлекательность социализма имела несколько уровней, включая перспективу быстрого скачка не просто в современность, а в превосходную форму современности, соответствующее приобретение высокого международного статуса, социальное обеспечение в широком понимании и чувство социальной справедливости, являвшееся составной частью имущественных отношений. Несмотря на длительную и порочную борьбу за власть, необузданный оппортунизм и карьеризм, выпущенные на волю жестокость, насилие и ненависть, СССР при Сталине давал надежду. Он стремился стать новой мировой державой, основанной на общественно привлекательных идеалах и располагавшей реальными программами и институтами их реализации (полная занятость населения, суб-

сидируемые государством цены, оплачиваемые отпуска для рабочих, детские образовательные учреждения, система медицинского обслуживания, пенсионное обеспечение, а также возможность личностного роста для всех).

Конечно, жизнь в Магнитогорске, как и в СССР, характеризовалась иерархией приверженности, особенно в готовности побороть недоверие и неверие. Другими словами, вера при советском социализме, как и во всех иных случаях, никогда не существовала без неуверенности, замешательства, опасений и тревог. Даже самые преданные сторонники, по-видимому, регулярно сталкивались с личными сомнениями. Но немногие могли представить альтернативы, да и такое инакомыслие никогда не поощрялось. Закрытые границы и цензура делали свое дело, особенно если учесть тот факт, что советская цензура не просто скрывала информацию, но являлась активным, неутомимым инструментом распространения определенной информации, а также средством насаждения особых способов ее восприятия и понимания.

Тот факт, что такая активная цензура оказалась эффективной, не следует, однако, рассматривать исключительно как вопрос манипуляции. Чтобы быть эффективной, пропаганда должна предложить людям такую историю, которую они готовы на определенном уровне принять, которая способна захватить их воображение и которую они смогут излагать своими словами. Процесс артикулирования, усвоения официально санкционированного словаря и ценностей нового общества далеко не всегда являлся добровольным и был связан не только с получением элементарных материальных благ, но и с безопасностью индивида и его родственников. Но наличие принуждения и насилия, явного и неявного, не означает полного отсутствия высокой степени добровольности, равно как искреннее следование идеалам не препятствует энергичному отстаиванию своих интересов.

Даже когда жители Магнитогорска находили нишу в новом обществе, они продолжали уклоняться и уваливать, просить и ругать — и не без причины. Постоянно слышавшие о том, что реализация большинства обещаний социализма наступит в будущем, они были

¹ Джилас М. Новый класс // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 191. Милован Джилас (серб. *Милован Ђилас*; 1911–1995) — югославский политический деятель и литератор, известный как создатель и популяризатор концепции «нового класса» — партийной номенклатуры, правящей в коммунистических странах.

Коткин Стивен — профессор исторического факультета Принстонского университета (г. Принстон, штат Нью-Джерси, США)
E-mail: kotkin@princeton.edu

* Статья в аннотированном виде излагает главные положения одной из наиболее известных монографий С. Коткина «*Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*» (Berkeley: University of California Press, 1995).
Перевод и примечания — к.и.н. Н. А. Михалев.

вынуждены мириться с бюрократическим безразличием и принуждением. Лишь наиболее догматично настроенные отказывались замечать трудности, ошеломляющее расточительство, коррупцию, курс на запугивание и широко распространенный страх. Однако, несмотря на эти обстоятельства, несомненный прогресс, достигнутый за годы советской власти, и прежде всего контраст с признанными пороками капитализма — безработицей, эксплуатацией, неизбежными экономическими кризисами и империализмом, — был налицо, что позволяло развеять даже самые глубокие сомнения.

Более того, следует напомнить, что в 1930-е гг. целая череда влиятельных иностранцев охотно приезжала в СССР, совершая паломничества в такие «святые места», как Магнитогорск, разоблачая капитализм и восхваляя социализм. Весьма красноречивыми были заимствования, совершаемые друзьями социализма, и упреждающие подражания со стороны его противников в Европе, Соединенных Штатах, Японии и т. д.² В рамках ли парламентской демократии или же в условиях альтернативной модели открытого авторитаризма намерение добиться того, что СССР реально достиг в качестве национальной цели, а именно экономического развития и преодоления классовых различий, занимало внимание мирового сообщества весь межвоенный период. Социализм обращался к реальным проблемам и, казалось, предлагал реальные решения. Пока капитализм увязал в кризисе, призыв социализма оставался довольно убедительным и мощным.

* * *

Почти 60 лет спустя после основания Магнитогорска писатель Вениамин Каверин вспоминал свой юношеский визит в 1931 г. на знаменитую строительную площадку. Он признавался, что был поражен, с какой скоростью росли завод и город в открытой степи. Оглядываясь в прошлое, тем не менее, он также отмечал, что был тогда потрясен видом голодающих женщин — жен и вдов тысяч крестьян, высланных в Магнитогорск и вынужденных зимой жить в палатках. «Кладбище росло быстрее комбината», — писал В. Каверин, признавая, что в то время, осознавая «прямую

связь между ростом кладбища и ростом комбинатов, я как бы старался не видеть эту связь и, стало быть, бродил по строительству с закрытыми глазами»³.

В 1931 г. В. Каверин бродил по строительству не с закрытыми глазами, а с жадной увидеть обещанный новый мир. И то, что новый мир сосредоточивался вокруг технологически передового предприятия, было очевидно. Десятилетия спустя, когда писатель поставил под сомнение свои ранее твердые убеждения, он вспомнил то, что реально видел своими собственными глазами. Одни и те же события, которые сначала наполняли его надеждой и мощным чувством прогресса — как собственного прогресса, так и прогресса страны — впоследствии вызвали у него чувство стыда за

³ Каверин В. А. Эпилог: Мемуары. М., 1989. С. 97–98.

В. А. Каверин (настоящая фамилия *Зильбер*; 1902–1989) — известный советский писатель, автор романов «Конец Хазы» (1926), «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (1928), «Художник неизвестен» (1931), «Исполнение желаний» (1934–1936), «Два капитана» (1938–1944), «Двойной портрет» (1967), «Перед зеркалом» (1972) и др. Лауреат Сталинской премии 2-й степени (1946) за роман «Два капитана». Мемуары, написанные Кавериным в начале 1970-х гг., но опубликованные только в 1989 г., представляют собой, по словам автора, «объективный рассказ о людях и отношениях, некогда меня поразивших» и повествуют о главных событиях жизни страны за шестьдесят лет, непосредственным участником которых он являлся. Полностью цитируемый С. Коткин отрывок воспоминаний В. А. Каверина о поездке в Магнитогорск выглядит следующим образом:

«Поразительно было все... Строилась с необычайной быстротой первая домна. Времени, в обычном смысле слова, не существовало: газета выходила с датами, указывающими, сколько дней осталось до конца первого периода: задута домна; второго: закончена мартеновская печь; и так далее. Одновременно закладывались кирпичный, бетонный, цементный и другие заводы. Строился «социалистический» город.

Быстрога, с которой на плоской, голой степи, у подножия горы Магнитной, как бы плывущей — пологой, равнодушной — в раскаленном воздухе над этим столпотворением возник город, — быстрота была феноменальная, как утверждали два прикрепленных ко мне комсомольца. Но по будущему городу бродили, спотыкаясь умирающие от голода, мертвенно бледные женщины в не виданных мною чувашских или мордовских костюмах — жены или вдов кулаков, работавших на стройках или тоже умиравших где попало. Кладбище росло быстрее, чем комбинат. В наскоро построенных бараках жить было невозможно — клопы сыпались с потолков, покрывали стены. Рабочие спали на земле, подле бараков. Километрах в пяти-шести в своем поселке (кажется, он назывался Березки) жили иностранцы, приехавшие на строительство в своих машинах — энергичные, молодежь, бодрые. Неравенство между жизнью в Березках и на строительстве было, мало сказать, оскорбительным — оно говорило о рабском отсутствии достоинства, о самооплевывании, совершаемом согласно существующим директивам. Дух напряженного подчинения господствовал в каждом слове.

Толя Р. был прав: все, что открывалось перед нами в Магнитогорске, было необыкновенным. Но, может быть, еще более необыкновенное заключалось в том, что ясно видя прямую связь между ростом кладбища и ростом комбинатов, я как бы старался не видеть эту связь и, стало быть, бродил по строительству с закрытыми глазами».

² Имеются в виду попытки реформирования капитализма через усиление роли государства в экономике и социальных отношениях, в различных формах предпринимавшиеся странами капиталистического мира в условиях экономического кризиса 1930-х гг.

страну и за себя. Каверин отразил процесс, послуживший причиной обрушения советского социализма: сначала приходит внезапное понимание, затем разочарование, раскаяние и признание — не у всех, конечно, но у многих, очень многих.

Часто отмечаемое разочарование в советском социализме обнаруживает то, что когда-то было мощной верой: чтобы разочароваться в чем-то, человеку необходимо первоначально в это поверить. И чем сильнее вера, тем сильнее разочарование. Чувство вины было порой столь сильно, что становилось причиной яркой противоположной реакции — без сомнения, во многом потому, что социализм как личная вера и убеждение являлся также источником идентичности. История социализма была практически неотделима от жизни людей: в нем соединялись идеи личного и общественного прогресса, социальной справедливости и преодоления трудностей; одним словом, это был миф о новом человеке и новой цивилизации, особой, потому что она не была капиталистической, особой, потому что она была лучше, чем капитализм. В этом заключалась оригинальная сила социализма, это же и сокрушило его.

Советский социализм разрушился изнутри, в силу того, что он существовал как анти-мир капитализма. Именно из капитализма он извлекал свою идентичность и по отношению к нему постоянно оценивал себя. На длинной дистанции, однако, социализм оказался неспособен ответить на тот вызов, что сформулировал сам, пытаясь взять верх над капитализмом. В определенный момент соперничество с капитализмом — в военных технологиях, уровне жизни, представлениях о политике и обществе — стало работать не в пользу СССР. Эта движущая сила, которая в другой форме помогла ускорить падение царского строя и начало революционного процесса, подтолкнула советский режим на путь, завершившийся его драматической самоликвидацией.

Вениамин Каверин не указал, что послужило для него толчком к пересмотру своих воспоминаний, которые он однажды с готовностью подавил, но, видимо, изменившийся взгляд на внешний мир — капитализм — сыграл решающую роль. Для многих именно этот изменившийся контекст сделал возможной, и даже требуемой, переоценку социализма и своей связи с ним. Эта переоценка, естественно, фокусировалась на иконах нового мира.

Так, Магнитогорск, который, как доказывали многие, должен был стать «лучшей пропагандой социализма», оказался действенной пропагандой против него.

При социализме почти не оставалось места безучастности, беспристрастности и нейтральности. Он требовал духовной преданности и постоянных подтверждений этой преданности, и тогда, когда у людей возникали сомнения, безразличие или враждебность, и даже тогда, когда притязания социализма на превосходство над капиталистической цивилизацией стали серьезно натянутыми. Используя личный опыт для оценки легитимности политической системы своей страны, В. Каверин и другие следовали тем же самым процедурам, какие усвоили в юности, только результат был прямо противоположным: социализм оценивался как вопрос веры, но сейчас — потери веры; автобиография рассматривалась как политически значимая, но сейчас делегитимизирующая.

* * *

После 1991 г. советский социализм может казаться не более чем странным кошмаром, который лучше осудить и забыть, а если и помнить, то лишь в качестве предостережения от политического деспотизма и опасных идей. Но, хотя он и базировался на неприятии капитализма, историю СССР следует признать неотъемлемой частью европейской истории.

Во всяком случае Европа и Соединенные Штаты являются соучастниками русской революции. В конце концов именно бессмысленная война между великими державами обеспечила необходимый контекст для имевшей первостепенное значение политизации царской армии, для захвата власти революционерами-заговорщиками и легитимации абстрактного социализма как альтернативы гибели и разрушению. Более того, Ленину и другим изгнанным участникам большевистского заговора было предоставлено убежище в различных европейских столицах, и они смогли вернуться в Россию из Швейцарии только при умышленном участии верховного командования Германии. Нужно помнить также, что, хотя революционные власти и вынуждены были уступить огромные территории немцам, рискуя потерпеть полное поражение внутри страны, вступление в войну Соединенных Штатов на стороне союзников повернуло ход событий против Германии, давая советскому режиму возможность восстановить Российскую империю.

В годы Гражданской войны неумелая военная интервенция в Советскую Россию со стороны Британии, Франции, Соединенных Штатов и Японии дала важный импульс для установления большевистской гегемонии над революционным процессом. В 1920-е гг. Германия оказала решающую техническую помощь СССР, в частности Красной Армии. В 1930-е гг. подлинный цвет ведущих капиталистических фирм, творцы культуры «фордизма» оказывали консультативную и иную помощь сталинской индустриализации. В конце концов феномен, называемый сталинизмом, укреплялся в СССР на фоне и как ответ на Великую депрессию, распространявшуюся по передовым капиталистическим странам, а также на совпавшую с ней агрессию.⁴

Наконец, главная причина, по которой СССР необходимо вновь включить в европейскую историю, состоит в том, что сталинизм представлял собой квинтэссенцию Просветительской утопии, попытку посредством государства ввести рациональное устройство общества, в то же время преодолевая мучительные классовые различия, порожденные индустриализацией XIX столетия. Эта попытка, в свою очередь, основывалась на традиции урбанистически и социально ориентированных утопий, которые помогли сделать эпоху Просвещения возможной.

* * *

В начале XVII в. Томмазо Кампанелла (1568–1639), монах доминиканского ордена из-под Неаполя, сочинил то, что вероятно, может считаться квинтэссенцией урбанистически и социально ориентированной утопии. Она представлена в форме диалога между любопытным гостинником и словоохотливым мореходом из Генуи (одним из членов команды Колумба), который вернулся из чудесного места, известного как «Город Солнца». Три века спустя во

время строительства Магнитогорска этот диалог был мобилизован как часть усилий по определению исторического контекста русской революции — задача, которую ретроспективно можно рассматривать, видимо, как даже более успешно решенную, чем планировалось.

В коротком вступлении к русскому изданию сочинения Кампанеллы, вышедшему в 1934 г. (первое появилось в 1918 г.), В. П. Волгин⁵ отнес монаха и его произведение к тому, что он обозначил как традиция «коммунистических утопий», особенно выделив «полное отсутствие частной собственности, всеобщий обязательный труд, общественную организацию производства и распределения, трудовое воспитание граждан».⁶ Автор мог бы также подчеркнуть важность развития и должного использования науки в Городе Солнца, энергичные попытки обеспечить благоденствие его населения, сочетавшиеся с не менее энергичными оборонными приготовлениями вследствие неизбежности войны, слияние церковной и светской власти в некоем виде теократии, частые личные признания или самокритику, а также предположение, что государственная власть основывается на природе повседневной жизни, — все ключевые аспекты того общества, в котором жил сам Волгин.

Это далеко не все заметные параллели, которые имеются в тексте Кампанеллы и на которые Волгин не обратил внимания. Так, сравнивая сочинение Кампанеллы с работами Платона и ранних христианских философов, он деликатно затрагивает идею недемократичности «правления мудрых», но делает это, не ссылаясь на «ведущую роль Коммунистической партии». Автор предисловия также не упомянул, даже косвенно, о сходстве между изображенным Кампанеллой верховным правителем, Солнцем, и возникавшим культом Сталина. Что же Волгин действительно

⁴ Кроме нападения Италии на Эфиопию (1935 г.) и открытой поддержки Франко, оказанной Германией и Италией (1936 г.), к числу событий середины — второй половины 1930-х гг., имевших непосредственное влияние на осложнение международной обстановки, можно также отнести заключение Германией и Японией т. н. «Антикоминтерновского пакта» (1936 г.), к которому позже присоединилась Италия (1937 г.); агрессивную политику Японии на Дальнем Востоке (нападение на Китай в 1937 г.), советско-японские вооруженные столкновения в районе о. Хасан (1938 г.), Мюнхенскую конференцию 1938 г. и последующее вторжение Германии в Чехословакию. См., например: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу 1939–1941 гг. М., 2002.

⁵ В. П. Волгин (1879–1962) — советский историк и общественный деятель, академик АН СССР, специалист по истории западноевропейской общественно-политической мысли Нового времени. См. подробнее: Вячеслав Петрович Волгин. Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. «История». Вып. 4. М., 1954; Манфред А. З. К 80-летию академика Вячеслава Петровича Волгина // Новая и новейшая история. 1959. № 4. С. 119–126; Гладышев А. В. Историк — руководитель: В. П. Волгин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 136–198.

⁶ См.: Волгин В. П. Коммунистическая утопия Кампанеллы // Кампанелла. Город солнца. М., 1934 (следующие издания — 1947, 1954). С. 5–30. В качестве комментариев переводчика (Ф. А. Петровского) в книгу включены краткий биографический очерк Кампанеллы, а также очерк истории издания и переводов «Города Солнца».

сделал, так это признал более чем случайное родство между советским обществом и откровенно утопичным Городом Солнца, в котором социальное обеспечение и благосостояние граждан являлось наиглавнейшей обязанностью государства и ключом к его международному положению.

Каким бы ограниченным ни был в СССР круг людей, знакомых с работой Кампанеллы, в сущности именно образ Города Солнца — городского общества, построенного и отрегулированного так, чтобы обеспечить наивысшее процветание, производительность и, следовательно, государственную власть, — служил в качестве идеала, из которого происходил реально существующий сталинский микрокосм — Магнитогорск — и в котором он черпал идеи для своего дальнейшего развития. Помещение Магнитогорска в контекст сочинения Кампанеллы помогает объяснить,

почему один советский город, особенно построенный в столь отдаленном и ранее почти безлюдном месте, мог служить таким мощным символом для самопровозглашенной новой цивилизации социализма.

Магнитогорск задумывался и строился как утопический эксперимент — социалистический рай на земле. Но такой взгляд, равно как и реальное строительство, опирались на идеи и практики, которые, несмотря на неприятие капитализма, имели много общего с другими индустриальными странами, также развивавшими формы социального регулирования и элементы государства всеобщего благоденствия. На территории бывшего СССР государство благоденствия, центрами которого являлись крупные предприятия, пережило институционально излишнюю Коммунистическую партию, но до сих пор находится в глубоком кризисе.

Ключевые слова: СССР, сталинизм, цивилизация, Магнитогорск, социалистический город

STALINISM AS A CIVILIZATION

The article is the author's interpretation of the Stalinism phenomenon which is conceptualized as a separate specific civilization, as a new society declaring the new property relations, radical changes in the social structure, economy, political practices, language, beliefs, etc. The core characteristic, which formed the basis for the latter's self-identification, was the rejection of capitalism, which served as the main criterion for its self-assessment. The most evident manifestation of the characteristic features of socialistic civilization with its roots in the Urban Utopias the Enlightenment period could be found in the urban centers such as Magnitogorsk.

Steven Kotkin